

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЛОПАРЕЙ

После трех глав, посвященных духовной жизни лопарей, перейдем теперь к описанию их общественного устройства, как в частной, так и в государственной жизни.

По-видимому, в более древнюю эпоху, предшествовавшую той, когда народ получил свое настоящее имя лопарей, они были вполне независимы от своих соседей и представляли самостоятельное государство под властью своего собственного правителя, избравшегося из среды своего народа. По крайней мере, так обстояло дело во времена норвежского короля Гаральда Гарфагара, современника Эрика Шведского, т.е. в IX веке от Р. Х., поскольку это касается той части лопарского народа, которая обитала на севере Норвегии по океанскому побережью и которую обычно называют финнами и лаппофиннами. Об этом говорится в "Описании Норвегии" Петра Клауда: "Лаппофинны, или сиефинны (Sioefinni), т.е. поморские финны в древние времена имели своего собственного правителя, а именно – в эпоху короля Гаральда Гарфагора, подчинившего своей власти всю Норвегию, кроме этих областей, королем у них был некий Моттле".

Без сомнения, Петр Клауд почерпнул эти сведения из летописи исландца Стурлесона, в которой имеется описание похода Гаральда в Биармию и войны его с населением этой области, сохранившей, однако, независимость, или же из цитировавшегося уже рассказа этого летописца о деве Гунильде, посланной отцом на воспитание к финскому королю Моттле.

Как уже было сказано мною в первых главах этого сочинения, названия "лопари" и "Лапландия" еще не вошли в употребление в ту эпоху, хотя и нет сомнений, что эти последние являются прямыми наследниками того народа, язык и обычаи которого они сохранили и до настоящего времени. По-видимому, они не утратили независимости и в более позднюю эпоху, когда уже стали называться лапландцами, т.е., иначе говоря, когда ими началось заселение обширной области, расположенной к югу от побережья Ледовитого океана, по ту сторону гор, отделяющих Норвегию от Швеции, к берегам Ботнического залива. Несомненно, они имели своего собственного предводителя во время этого переселения на новые места, который в дальнейшем играл у них роль короля. Имея своего правителя, они еще долго сохраняли независимость, т.к. по соседству не было никого, кто пожелал бы вести войну с этой массой бедных племен, ведших кочевой образ жизни среди девственных лесов, болот и вечных снегов. Об этом свидетельствует нам Павел Иовий в своей "Московии", приводя подобное вышесказанному мнению московитов (русских) о лопарях: "Даже ближе других живущие к лопарям московиты, которые с небольшими силами могли бы легко покорить их, считали

величайшей глупостью вести войну с этим убогим, лишенным самого необходимого, кочевым народом, т.к. это не принесло бы им ни пользы, ни славы".

Благодаря этому лопарский народ еще долго сохранял свою независимость. Первые попытки подчинить его своему влиянию сделал шведский король Магнус Ладулай, живший около 1277 г. Собственноручная запись Андрея Бурей, найденная мною в одной из его книг, гласит следующее: "Во времена Магнуса Ладулая (Ladulaos) лопари еще сохраняли независимость. Так как этот король не мог подчинить их власти шведской короны, то он предложил любому, кто отважится на это предприятие, взять эту страну в полное владение".

Правдоподобнее будет предположить, что король обратился с таким предложением к своим подданным не потому, что действительно не мог справиться с этим народом, а скорее потому, что не желал вести планомерную и дорогостоящую войну с племенами, преследование которых имело бы те же трудности, что и погоня за дикими зверями, убегающими в свои дебри, с другой же стороны, не мог допустить, чтобы рядом с его владениями и даже посередине (поскольку они населяли и побережье Ботнического залива) существовал народ, не подчиняющийся его королевской власти.

Этот призыв не остался без ответа, и ближайшие соседи лапландцев – биркарлийцы, привлеченные связанными с этим предприятием выгодами, взялись за дело и выполнили его с большим успехом. Особенно отличился при этом один смелый и предприимчивый биркарлиец, о котором, со слов пастора и настоятеля прихода в Питео, рассказывает некий Эрик, золотых дел мастер и почтенный гражданин города Лулео, а также упоминает и Андрея Бурей. Покорив лопарских старейшин, биркарлийцы уже без труда подчинили своей власти остальных лопарей до побережья Северного и Западного моря.

По-видимому, этому подвигу биркарлийцев предшествовали длительные военные действия против лопарей со стороны Швеции и короля Магнуса, которому, как видно из вышеупомянутых цитат, не удалось подчинить их своей власти. Именно это упорное сопротивление лопарей имел в виду и Циглер, писавший о них: "Этот упорнейший народ долго сохранял свою независимость, сражаясь против Швеции и Норвегии до тех пор, пока, наконец, не был вынужден подчиниться им".

Нам кажется, однако, что Циглер ошибался, приписывая это воинской доблести лопарей. Вернее предположить, что война велась шведами недостаточно энергично по тем же причинам, на которые указывали и московиты, считавшие не стоящим и недостойным делом завоевывать этот совсем не воинственный народ. Это тем более вероятно, что, как видно, впоследствии один лишь приход биркарлийцев без особенного труда подчинил их своей влас-

ти. Таким образом, лопари были покорены усилиями частных лиц около 1277 года и через биркарлийцев стали подданными Шведского королевства. Были ли, однако, тогда же покорены и те лопарские племена, которые жили по ту сторону норвежских гор по океанскому побережью и назывались финнами, или лаппофиннами, представляется сомнительным, несмотря на то, что Бурей утверждает это. Несомненно лишь, что почин в деле покорения лопарей принадлежал шведам, их примеру вскоре последовали и другие соседние народы: часть Лапландии отошла к норвежцам, часть к москвитам (русским). В своем "Описании Норвегии" Петр Клауд пишет: "В наше время приморские финны подчиняются Норвегии, другие же племена, живущие в горной области, платят дань трем повелителям.

Как видно из грамот, данных шведским королем Карлом IX его посланнику при Датском королевском дворе, Швеции принадлежала издревле половина прав даже и на так называемых лаппофиннов, или приморских лопарей: "Легко доказать, что издревле шведской короне принадлежала половина прав, как в смысле дани, так и в отношении судебной власти, распоряжения рыболовством и прочими промыслами по отношению к жителям области, заключенной между Титисфиордом (Titisfioerden) и Валангером (Walanger)".

Область от Малангера (Malanger) до Варангера (Waranger) подчинялась власти трех государств – Шведского, Норвежского и Московского до 1595 года, когда москвиты по договору уступили свою часть Швеции. Вся остальная часть Лапландии, как горные области, так и расположенные к югу, издавна, со времен короля Магнуса Ладулая, т.е. около 400 лет, со всем своим населением принадлежат Швеции.

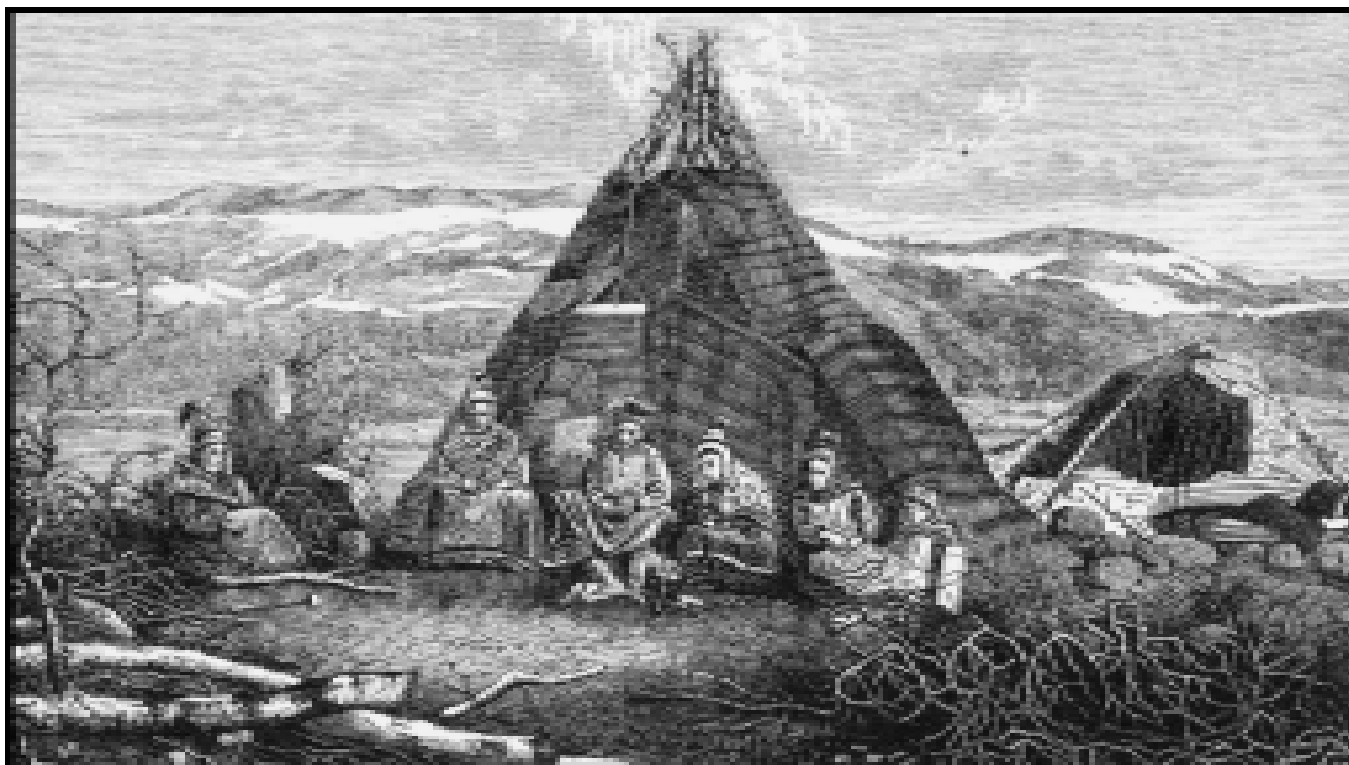
Первоначально зависимость лопарей от Швеции выразилась в том, что они платили дань биркарлийцам, которые имели исключительное право торговли с ними на основании эдикта короля Магнуса Ладулая. В знак верно-

подданических чувств биркарлийцы ежегодно посылали шведскому королю определенное количество мехов. "Биркарлийцы, – читаем мы в рукописи Иоанна Бурея, – издагдайствовали себе грамоту от короля, на основании которой им передавались все права на лопарей, живших тогда близ Ботнического залива, право собирать с них дань, распоряжаться рыбными промыслами, вести с ними торговлю с тем, однако, чтобы королю ежегодно доставлялось определенное количество шкурок серебристой белки". В таком же духе звучат и слова Олафа Магнуса: "Правителей своих они называют (bergchara), т.е. мужи гор, относятся к ним с большим почтением и приносят им в дар драгоценные меха, разные сорта рыб и т.п., отчасти в виде дани шведскому королю, отчасти же как приношение им самим". Эти bergchara, конечно, те же биркарлийцы. О них же говорит и Циглер: "Начальника они избирают сами и называют его королем, хотя полномочие на управление ими он получает от шведского короля. Внешним признаком его сана является красная одежда".

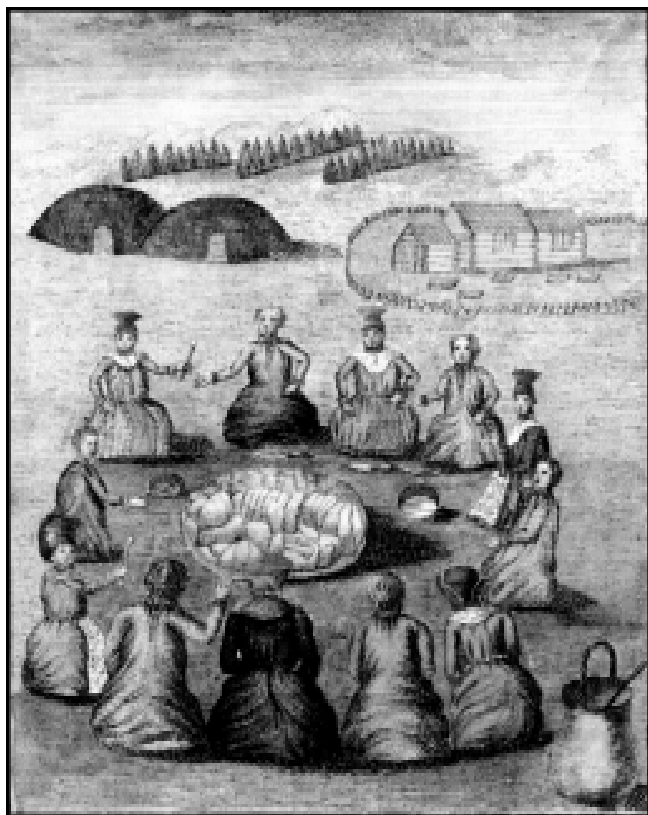
Этим начальником был, конечно, один из биркарлийцев, пользовавшийся среди них значительным влиянием и осуществлявший свою власть над лопарским народом. Сперва, когда еще лопари жили около Ботнического залива, он был единственным, потом же по мере дальнейшего расселения их, когда Лапландия была разбита на области, таких начальников стало несколько, по одному в каждой из них.

Такой вывод невольно напрашивается при чтении послания короля Густава I к лопарям, в котором говорится о лулеоских, питеоских и торнеоских биркарлийцах, следовательно, во главе каждой из этих провинций стоял биркарлиец, которого лопари называли королем и который в знак своей власти над ними носил пурпурную одежду.

Начальники эти, по-видимому, всенародно избирались лопарями, затем утверждались в своей должности шведским королем и становились как бы вассалами его, что видно из вышеприведенных слов Бурея и Циглера. Кто

же были эти биркарлийцы, силами которых Лапландия была подчинена власти шведских королей? Иоанн Бурей, называющий их по-шведски *birkarlarna* говорит, что это были жители прихода Биркала (*Birkala*). Олаф Магнус, называя их *bergechara*, переводит это наименование как "мужи гор", (от слов *berg* – гора и *chara*, или *karag* – муж). Но смысл такого термина отнюдь не ясен. Непонятно, о каких горах может быть речь, т.к. это не относится к Норвежским горам, никем не заселенным в ту эпоху, а других гор, от которых люди могли получить такое название, там

не было. Кроме того, биркарлийцы были подданными шведского короля и проникли в Лапландию из Швеции.

В старинном послании шведского канцлера Конута Иогансона, относящемся к 1318 г., биркарлийцы названы *birkarlaboa*: "В народном собрании в Тельге, на котором присутствовали с одной стороны гельсинги, с другой – *birkarlaloa*, заключено было следующее соглашение: не чинить препятствий в охоте и промыслах лесному кочевому народу, попросту называемому *lappa* (лопари), не мешать также в этом и вышеупомянутым *birkarlaboa*, когда они проникают в лопарские области". Из этой цитаты не видно, чтобы биркарлийцы были горными жителями, как того хочется Олафу Магнусу. Происхождение их из прихода Биркала кажется нам гораздо более правдоподобным тем более, что Олаф Петерсон Ниурений упоминает о существовании такого прихода в Тавастии, где он действительно нанесен даже на современные нам географические карты.

Что же касается того, что в вышеприведенном послании Густава I говорится о лулеоских, питеоских и торнеоских биркарлийцах, то это объясняется тем, что они расселились по этим областям по мере дальнейшего распространения их владычества над лопарями в связи с принадлежавшим им исключительным правом торговли с ними. Ниурений прямо называет их купцами: "Жители

Ботнии, в особенности те, которых зовут биркарлийцами, покупают все необходимое для лопарей у приезжающих морем купцов, а зимой, когда озера и реки покрываются льдом, перевозят свои товары в Лапландию". Здесь биркарлийцами названы не только жители Тавастского прихода Биркала, а также и все вообще жители Ботнии, вероятно, потому, что биркарлийцы постепенно расселились по всем городам и округам, осуществляя свои права, дарованные им королем Магнусом Ладулаем, и следя за тем, чтобы никто другой не нарушал их привилегий. В таком исключительном положении они находились до царствования Густава I, который заключил с ними подписанный в Упсале 1 апреля 1528 года договор "О дани, следуемой ежегодно королевской казне с тех, кто пользуется правами на извлечение выгод и прибылей с лопарей".

Под этими выгодами и прибылями подразумевались именно те права, наследственно передававшиеся среди биркарлийцев от отцов к детям, на дань с лопарей и торговлю с ними, которые были дарованы им Магнусом Ладулаем. Вышеупомянутый договор подтверждал древние права биркарлийцев, но при условии увеличения вдвое дани, вносимой ими в королевскую казну, с чем биркарлийцы категорически не согласились.

Так кончилось владычество биркарлийцев, властвовавших над лопарями в качестве начальников отдельных провинций Лапландии и привыкших получать от них королевские почести. Вместо них король Густав I послал своих наместников для сбора дани и управления страной именем короля. Они получили у шведов лопарских старост (*Lappfogder*), сами же лопари звали их *Konunga olmai*, т.е. королевскими людьми. Упоминание о них впервые встречается в послании короля Густава I к первому лопарскому священнику, достопочтенному Михаилу: "Предписываем всем находящимся в Лапландии, – говорится в этой грамоте, – как лопарским старостам, так и всем прочим".

Вначале, по-видимому, они были единственными представителями королевской власти в Лапландии, осуществлявшими не только сбор податей, но также и административные и судебные функции, но впоследствии, с разделением Лапландии на отдельные области при Карле IX и дальнейшим укреплением государственного строя, число их увеличилось, они получили помощников, из которых одни должны были ведать разбором судебных дел, другие – прочими отраслями управления. Постепенно эти должности приблизились к тому виду, какой они имеют в настоящее время.

Высшей властью после королевской в Лапландии является лицо сенаторского сословия – провинциальный судья (по-шведски *Lagman*) со своим помощником (*Underlagman*), затем следуют референдарий (*Laglaesarm* – истолкователь законов) и некоторые другие лица судебного ведомства. За ними следуют начальники округов (провинций) (*Laundhoefdingh*) с лопарскими старостами (*Lappafongten*) и их служителями (*Landerman*), на которых лежат всевозможные обязанности по сбору податей, взысканию штрафов и пени, охране общественного порядка и безопасности и т.п.

Таково общественное устройство Лапландии, управляемой по шведским законам верховной властью короля, сохранившееся до нашего времени.